

Поэт, литературный критик. Живет в Ломоносове (Россия).

* * *

Жизнь любая для жизни годна.
Будто спал и разбужен был вдруг,
И зажил со вчерашнего дня,
И всему удивляюсь вокруг.

Это я здесь живу или ты?
Как давно я здесь не был, забыл.
Двор, машины, деревья, кусты.
Все, как было. А я-то где был?

Будто праздник. А праздника нет
Календарного. Будто не сам.
Этот вечер и утренний свет
Все расставит потом по местам.

Выпил, что ли... А раньше не пил?
Задолжал своему двойнику.
Будто вынырнул вдруг из глубин.
Что я делаю тут, наверху?

* * *

Как начнешь разрывать апельсинную корку -
за пустым разговором - на мелкие части!
Составляешь из спора желто-белую горку,
остановишься, думаешь: разве не счастье?

Цедру мучить без толку - занятие детства.
Пирогоми не пахнет, тут что-то другое:
Успокаивать нервы хорошее средство
в препирательствах долгих, в разборках с тобою.

Пусть не всякая шутка без терпкости, фальши.
Но стараясь смягчить, разве боль уменьшаешь?
И когда тебя спросят однажды: Что дальше? -
Все уже искрошил. Что ответить, не знаешь.

* * *

О горе нечего рассказывать.
Так глубоко сидит, так тихо,
такими проникает лазами,
невидимыми, как кротиха.

Такое маленькое, хваткое,
настойчивое и простое.
Такое же слепое, с лапками -
все время роющее горе.

* * *

Одна сирень еще и держится,
да тополь, ель, сосна - зеленые.
Свое все бросили, как беженцы,
вон те березы, ивы, клены.
Какие голые и босые!
Но все равно подать им нечего.
Где это - Комарово, Косово?
Везде, где осень. Утром, вечером.
Как много их, куда их денем?
Война или зима их гонит?
Как по вагонам просят денег...
А листья? Листья разве тронут...

* * *

Брачуются последние стрекозы,
Они летают в воздухе по двое,
Сцепившись, скрючившись, как лозы,
Семью воздушную на час построив.

Смотри, седеют ярко клены, липы,
Уже ночами холодно и волгло.
Они летают, как герои клипа.
Недолго им... А нам с тобою долго?

Мне все равно, что Зигмунд Фрейд откроет.
Мне нравится лететь с тобой в отрыве.
Прозрачных крыльев хрупкий целлулоид,
Верней, слюда незримых наших крыльев.

* * *

Так сжать себя почти до хруста,
Держать, покуда не устал...
Из грязи, нежности и грусти
Душа, — философ подсказал.

И если жизнь позолотили,
То все равно, где грусть, где грязь...
Смешалось. С грустью мы грешили.
И даже с нежностью подчас.

* * *

Лишь тем, кто не ездили в Крым
В заботах о доме и хлебе,

Достанется море сухим,
Пайковое море на небе.

И если лежать и смотреть
Подолгу, то поздно ли, рано
Захочется плыть и лететь,
Ведь синие два океана.

Так воздуха много пока
Дешевого с первого взгляда.
Так долго стоят облака,
Что, кажется, моря не надо.